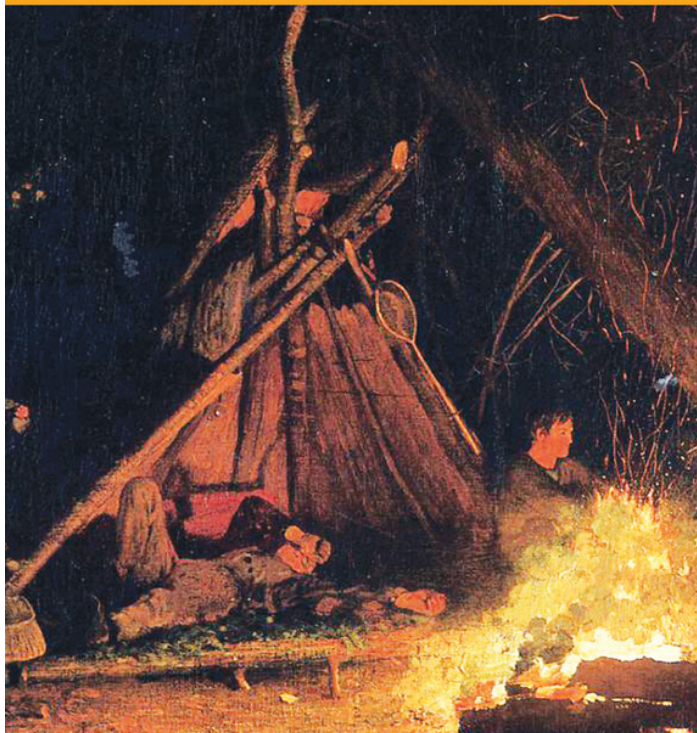

Джон Стейнбек

1962
год
Нобелевская
премия

О мышах и людях Квартал Тортилья-Флэт

[повести]

Джон Стейнбек
О мышах и людях. Квартал
Тортилья-Флэт (сборник)
Серия «XX век – The Best»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18559914

*Д. Стейнбек. О мышах и людях. Квартал Тортилья-Флэт / [сборник]:
АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-095700-2*

Аннотация

«О мышах и людях» – повесть, не выходящая из сотни самых продаваемых книг на портале «Amazon» наряду с «Убить пересмешника» Харпер Ли, «Великим Гэтсби» Фицджеральда и «1984» Оруэлла. Книга, включенная Американской библиотечной ассоциацией в список запрещенных вместе с «451° по Фаренгейту» и «Над пропастью во ржи». Обе ее экранизации стали заметным событием в кинемире: картина 1939 года была номинирована на 4 премии «Оскар», фильм 1992-го – на «Золотую пальмовую ветвь».

В издание также включена повесть «Квартал Тортилья-Флэт».

Содержание

О мышах и людях

5

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Джон Стейнбек
О мышах и людях.
Квартал Тортилья-Флэт
(Сборник)

John Steinbeck
OF MICE AND MEN
TORTILLA FLAT

© John Steinbeck, 1935, 1937

© Copyright for Tortilla Flat renewed 1963 by John Steinbeck

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2014

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

О мышах и людях

I

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам и течет у самых их подножий. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном берегу растут деревья – ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит – и то слышно. По вечерам из кустов вылезают кролики и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты, да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптанная маль-

чишками, прибегающими с ближнего ранчо купаться в глубокой заводи, и бродягами, которые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суком огромного сикомора скопилась куча золы от многого множества костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Тени поползли вверх по склонам гор. Кролики сидели на песке недвижно, словно серые камни. А потом со стороны шоссе раздались шаги — кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Кролики бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом двое мужчин вышли по тропе на поляну у заводи. Один все время шел позади другого, и здесь, на поляне, он тоже держался позади. Оба были в холстяных штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих были черные измятые шляпы, а через плечо перекинuty туго свернутые одеяла. Первый был маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, был большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть

не наскочил на него. Первый снял шляпу, вытер кожаную ленту указательным пальцем и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутое одеяло, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

– Ленни! – сказал он. – Ленни, Бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и потрянул его за плечо.

– Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни, окунув голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую куртку, бежали у него по спине.

– Эх, славно, – сказал он. – Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж отцепил свой сверток и осторожно положил его на землю.

– Я не уверен, что вода здесь хорошая, – сказал он. – Больно уж много на ней пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

– Гляди, Джордж. Гляди, чего я сделал!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду

горстями.

– На вкус вроде бы ничего, – сказал он. – Только, кажись, здесь она непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, – сказал он со вздохом. – А то ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснув пригоршню воды себе в лицо, он вытер рукой лоб и шею. Потом снова надел шляпу, отошел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него вокруг глаз появились красные ободки. Он сказал сердито:

– Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах, прямо по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». А я уверен, что мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарнице!

Ленни робко посмотрел на него.

– Джордж.

– Ну, чего тебе?

– Куда мы идем, Джордж?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и со злостью оглядел Ленни.

– Стало быть, ты уже все позабыл? Стало быть, начинай тебе все сначала втолковывать? Господи Боже, что за дубина!

– Я позабыл, – тихо сказал Ленни. – Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

– Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не поделаешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

– Я старался, очень старался, – сказал Ленни, – да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

– Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб у нас не было неприятностей. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

– Конечно, Джордж. Помню... Но... что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки и ты сказал... сказал...

– Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Мэрри и Рэди, где нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

– Конечно, Джордж. Теперь помню. – Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: – Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

– У тебя ее и не было, болван. Обе они у меня, вот здесь.

Так я и отдам тебе твою книжку, жди. Как бы не так.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

– А я... я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

– Что это у тебя в кармане?

– В кармане – ничего, – схитрил Ленни.

– Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке.

Что у тебя в руке?

– Ничего, Джордж, честное слово.

– А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

– Это же просто мышь, Джордж.

– Мышь? Живая?

– Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал.

Честное слово! Я ее нашел. Так и нашел – дохлую.

– Подай сюда! – приказал Джордж.

– Пожалуйста, Джордж, не отбирай ее у меня.

– Подай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводу, на другой берег, в кусты.

– И на что тебе сдалась дохлая мышь?

– Я гладил ее пальцем, когда мы шли, – ответил Ленни.

– Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты за-

помнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

– Я опять позабыл.

– Вот наказание, – сказал Джордж со смирением. – Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере, откуда мы пришли.

– На севере?

– В Уиде.

– Ах да. Помню. В Уиде.

– Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно – я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели увидит, как ты работаешь, прежде чем ты рот откроешь, наше дело в шляпе. Понял?

– Конечно, Джордж. Конечно же, понял.

– Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

– Я... я... – Ленни задумался. Лицо его стало напряженным. – Я... должен молчать. Стоять и молчать.

– Молодец. Очень хорошо. Повтори это раза три, чтобы получше запомнить.

– Я должен молчать... Я должен молчать... Я должен молчать...

– Ладно, – сказал Джордж. – Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

– Как в Уиде?

– Так ты, стало быть, и про это забыл? Ладно уж, не буду тебе напоминать, а то, чего доброго, еще раз такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

– Нас выгнали из Уида! – выпалил он с торжеством.

– Выгнали, как бы не так! – сказал Джордж с возмущением. – Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но – ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

– Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руки за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

– О Господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности, – сказал Джордж. – Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось. И может, у меня была бы девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал робко:

– Мы будем работать на ранчо, Джордж.

– Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. Водяная змейка скользнула по заводи, выставив голову над водой, словно крошеч-

ный перископ. Камыш колыхался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, послышался мужской голос и ему откликнулся другой. Ветки сикоморов зашелестели под легким порывом ветра, который сразу же стих.

– Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

– Это не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, предстоит ссыпать зерно в мешки, надрываться. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

– Так у нас не будет ужина?

– Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки бобов. Разложим костер. Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. А потом подогреем бобы и поужинаем.

– Но я люблю бобы с перченым томатным соусом, – сказал Ленни.

– Нет у нас соуса. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, послышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

– Дурак полоумный, – сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни, продираясь сквозь кусты. Он нес в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

– Ну-ка, – сказал он сурово. – Подай мышь сюда!

Ленни с неожиданной смышленостью изобразил на лице недоумение.

– Какую мышь, Джордж? У меня нету никакой мыши.

Джордж протянул руку.

– Подай ее сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни робко попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать. Джордж сказал сурово:

– Подашь ты мне эту мышь или же хочешь, чтоб я задал тебе хорошую трепку?

– Что тебе подать, Джордж?

– Ты сам отлично знаешь, черт тебя возьми. Подай мне мышь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос его дрогнул.

– А почему мне нельзя оставить ее себе? Она ведь ничья. Я ее не украл. Я просто нашел ее на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протягивал руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж нетерпеливо щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышь ему в руку.

– Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

– Дурак полоумный. Неужто ты не понимаешь, – я увидал,

что у тебя ноги мокрые, ведь ты ж ходил за ней через реку.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

– Ньюни распустил, как маленький? Ох ты, Господи! Такой здоровенный детина, и плачет. – Губы Ленни кривились, глаза были полны слез. – Ну же, Ленни! – Джордж положил руку ему на плечо. – Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уж издохла, Ленни, и, кроме того, ты, когда гладил ее, сломал ей хребет. Ну ничего, сыщешь другую мышь, живехонькую, и я, так уж и быть, позволю тебе оставить ее у себя ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

– Я не знаю, где сыскать другую мышь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

– Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял голову и печально поглядел на Джорджа.

– Они были такие малюсенькие, – сказал он виновато. – Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только их ущипнешь, они сразудохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они ведь не такие малюсенькие.

– К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышь, но ее ты не захо-

тел взять.

– Ее не так приятно гладить, – сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и белый пух слетел с ив, опускаясь в воду.

– Приволокешь ты наконец хворосту? – спросил Джордж. – Вон у того сикомора целая куча сучьев, река принесла их туда в разлив. Тащи их скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки бобов. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

– Этих бобов хватило бы на четверых, – сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону костра. Он сказал умоляюще:

– Я люблю бобы с соусом.

– Но у нас нет соуса! – рассердился Джордж. – Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят долларов, ехал в го-

род и покупал, чего хотел. А ночь проводил бы с девчонками. И обедал бы, где хотел, в гостинице или еще где, и заказывал бы, чего только в голову взбредет. Каждый месяц. Брал бы целый галлон виски да играл бы в карты или же на бильярде.

Ленни присел на корточки и глядел поверх костра на рассерженного Джорджа. Лицо у него перекошилось от страха.

– А так, что у меня есть? – продолжал Джордж все яростней. – У меня есть ты! Никому-то ты не нужен, и через тебя я все время теряю работу. Через тебя я вечно мыкаюсь по стране. И это еще не самое худшее. Ты то и дело попадаешь в беду. Натворишь чего-нибудь, а я тебя вызволяй. – Голос его возвысился почти до крика. – Ты полоумный сучий сын. Через тебя я все время как на иголках!

И он передразнил Ленни, как передразнивают друг друга маленькие девочки:

– «Я только хотел пощупать ее платье, только хотел погладить его, как мышку...» Но откуда ей, к чертовой матери, знать, что ты хотел только погладить ее платье? Она пробовала вырваться, но ты ухватил ее, как мышь. Она – в крик, и вот пришлось нам спрятаться да сидеть в оросительной канаве целый день, покуда нас искали, а когда стемнело, мы едва унесли ноги. И так всегда, всегда! Посадить бы тебя в клетку вместе с миллионом этих самых мышей, радуйся тогда сколько влезет!

И вдруг он перестал сердиться. Он глянул поверх костра на страдальческое лицо Ленни, а потом, устыдясь, стал смот-

реть на огонь.

Было уже совсем темно, но костер освещал стволы и кри-
вые ветки деревьев. Ленни медленно и осторожно пополз на
четвереньках вокруг костра, пока не очутился рядом с Джор-
джем. Он присел на корточки. Джордж повернул банки дру-
гим боком к огню. Он делал вид, будто не замечает Ленни.

– Джордж, – окликнул его Ленни едва слышно. Ответа не
было. – Джордж.

– Ну чего тебе?

– Я просто пошутил, Джордж. Я не хочу соуса. Я бы не
стал есть соуса, даже ежели б он был вот здесь, прямо передо
мной.

– Если б он был, ты мог бы поесть.

– Но я не стал бы, Джордж. Весь отдал бы тебе. Ты залил
бы им бобы, а я б к нему и не притронулся.

Джордж все так же угрюмо смотрел в огонь.

– Как подумаю о том, до чего хорошо мне жилось бы без
тебя, рехнуться можно. А так у меня нет ни минуты покоя.

Ленни все еще сидел на корточках. Он поглядывал в тем-
ную даль за рекой.

– Джордж, ты хочешь, чтобы я ушел?

– Куда ты, на хрен, пойдешь?

– Вон туда, в горы. Найду какую-нибудь пещеру.

– Да? А жрать чего будешь? У тебя ведь не хватит сооб-
ражения, даже чтоб сыскать себе жратву.

– Я могу что-нибудь сыскать, Джордж. Мне ведь не нужна

вкусная еда с соусом. Буду лежать себе на солнышке, и никто меня не тронет. А ежели найду мышь, то оставлю ее себе. И никто ее не отнимет.

Джордж бросил на него быстрый испытующий взгляд.

– Я тебя обидел, да?

– Ежели я тебе не нужен, пойду в горы да сыщу пещеру. Могу хоть сейчас уйти.

– Нет... Послушай, Ленни, я просто пошутил. Конечно же, я хочу, чтоб ты остался со мной. Вся беда в том, что ты всегда давишь этих мышей. – Он помолчал. – Вот что я сделаю, Ленни. При первой возможности подарю тебе щенка. Может, его ты не задавишь. Щенок лучше, чем мышь. И гладить его можно крепче.

Но Ленни не поддался на удочку. Он понимал свое преимущество.

– Ежели я тебе не нужен, ты только скажи, я уйду туда, прямо в горы, и буду жить там один. И никто не отнимет у меня мышь.

Джордж сказал:

– Я хочу, чтоб ты остался со мной, Ленни. Господи, да ведь тебя кто-нибудь подстрелит, приняв за койота, если я тебя брошу. Нет уж, оставайся со мной. Твоя тетка Клара, покойница, огорчилась бы, когда б узнала, что ты остался один.

Ленни сказал лукаво:

– Расскажи мне... как тогда...

– Про что рассказать?

– Про кроликов.

– Не морочь мне голову, – огрызнулся Джордж.

– Ну, Джордж, расскажи. Пожалуйста, Джордж. Как тогда! – взмолился Ленни.

– Стало быть, тебе это нравится? Ну ладно, слушай, а уж потом будем ужинать...

Голос Джорджа потеплел, смягчился. Он произносил слова чуть нараспев, но быстро, – видимо, рассказывал об этом далеко не в первый раз.

– Люди, которые батрачат на чужих ранчо, самые одинокие на свете. У них нет семьи. У них нет дома. Придут они на ранчо, отработают свое, а потом – в город, денежки проматывать, и глядишь, уж снова плетутся куда-нибудь на другое ранчо. И в будущем у них ничего нет.

Ленни ловил каждое слово.

– Во-во, правильно. А теперь расскажи про нас.

Джордж продолжал:

– Но мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе, и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше деваться некуда. Иной человек, ежели попадает в тюрьму, может сгнить там, никто и пальцем не шевельнет. Другое дело – мы.

– Другое дело – мы! – подхватил Ленни. – А почему? Да потому... потому, что у меня есть ты, а у тебя есть я, вот

почему. – Он радостно засмеялся. – Говори же, Джордж, говори!

– Но ведь ты и так все знаешь наизусть. Можешь и сам рассказать.

– Нет, расскажи ты. Вдруг я чего-нибудь позабуду. Расскажи, как это будет.

– Ну уж ладно. Когда-нибудь мы сколотим денег да купим маленький домик, несколько акров земли, корову, свиней, и...

– И будем сами себе хозяева! – воскликнул Ленни. – И заведем кроликов. Говори дальше, Джордж! Расскажи про наш сад, и про кроликов в клетках, и про дожди зимой, и про печь, и про то, какие густые сливки будем снимать с молока, так что их хоть ножом режь. Расскажи про это, Джордж.

– Отчего ты не расскажешь сам? Ведь ты все знаешь.

– Нет... расскажи ты. У меня так не выходит... Говори, Джордж. Про то, как я буду кормить кроликов.

– Так вот, – сказал Джордж. – У нас будет большой огород, и кролики, и цыплята. А зимой, в дождь, мы плюнем на работу, затопим печь, станем сидеть себе около нее да слушать, как дождь стучит по крыше... А, черт! – Он вынул из кармана перочинный нож. – Дальше некогда рассказывать. – Он вскрыл ножом одну жестянку и передал ее Ленни. Потом вскрыл вторую. Из бокового кармана он достал две ложки и одну дал Ленни.

Они уселись у костра и стали дружно жевать, набивая рты

бобами. Несколько бобов выпали у Ленни изо рта.

Джордж ткнул в его сторону ложкой.

— Что ты скажешь завтра, когда хозяин спросит тебя о чем-нибудь?

Ленни перестал жевать и проглотил бобы, которые были у него во рту. Лицо его стало сосредоточенным.

— Я... я... буду молчать.

— Молодец! Вот это хорошо, Ленни. Кажется, ты становишься умнее. Когда у нас будет свое ранчо, я позволю тебе присматривать за кроликами. Особенно если ты все вот так же хорошо будешь помнить.

У Ленни дух захватило от радости.

— Я все буду помнить, — сказал он.

Джордж снова взмахнул ложкой.

— Послушай, Ленни. Оглядиись хорошенько вокруг. Можешь ты запомнить это место? Ранчо вот там, в четверти мили отсюда. Нужно все время идти вдоль реки.

— Конечно, — сказал Ленни. — Я могу запомнить. Разве я не запомнил, что нужно молчать?

— Конечно, запомнил. Так вот, Ленни, если ты чего натворишь, как раньше, сразу же бегом сюда, чтоб спрятаться в кустах.

— Спрятаться в кустах, — медленно повторил Ленни.

— Да, спрятаться в кустах и ждать меня. Можешь это запомнить?

— Конечно, могу, Джордж. Спрятаться в кустах и ждать

тебя.

– Но гляди, ничего не натвори, потому что иначе я не позволю тебе кормить кроликов.

Он швырнул пустую жестянку в кусты.

– Я ничего не натворю, Джордж. Я буду молчать.

– Ладно. Тащи свое одеяло к костру. Здесь хорошо спать. Видны небо и листья. Не подбрасывай больше хворосту. Пускай костер помаленьку угасает.

Они расстелили одеяла на песке. Костер догорал, и круг света суживался; кривые ветки исчезли в темноте, и вокруг смутно маячили лишь толстые стволы. Ленни спросил:

– Джордж, ты спишь?

– Нет. Чего тебе?

– Давай заведем всяких кроликов, Джордж, разных мастей.

– Само собой, – отозвался Джордж сонным голосом. – Красных, и синих, и зеленых кроликов, Ленни. Мильоны всяких кроликов.

– И чтоб они были пушистые, Джордж, такие, каких я видел на ярмарке в Сакраменто.

– Да, пушистые, известное дело.

– Но ведь я могу и уйти, Джордж, буду жить в пещере.

– И к черту тоже можешь уйти, – сказал Джордж. – А теперь заткни глотку.

Раскаленные уголья постепенно тускнели. За рекой, в горах, завыл койот, и с другого берега отозвалась собака. Ли-

стья сикоморов шелестели под легким ночным ветерком.

II

Барак был длинный, прямоугольником. Стены внутри побеленные, пол некрашенный. В трех стенах были маленькие квадратные оконца, а в четвертой – тяжелая дверь с деревянной щеколдой. По стенам стояли восемь коек, пять из них были застелены одеялами, а на трех валялись лишь холстинные тюфяки. Над каждой койкой был прибит ящик из-под яблок, так что получалась как бы полка для вещей постояльца. И полки эти были завалены всякой всячиной – мылом и пачками талька, бритвами и ковбойскими журналами, которые на ранчо так любят читать, и хотя смеются над ними, но втайне верят каждому слову. А еще на полках были лекарства в пузырьках и гребни; кое-где на гвоздях, вбитых рядом, висели галстуки. В углу была черная чугунная печь, труба ее выходила наружу прямо через потолок. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, на нем валялись истрепанные карты, а вокруг вместо стульев были расставлены ящики.

Около десяти часов утра солнце заглянуло в одно из оконцев, бросив на пол пыльный сноп света, и в этом свете, словно яркие искры, закружились мухи.

Деревянная щеколда стукнула. Дверь отворилась, и вошел высокий сутулый старик. На нем были синие джинсы, в ле-

вой руке он держал большую швабру. За ним вошел Джордж, а за Джорджем Ленни.

– Хозяин ждал вас вчера вечером, – сказал старик. – Он здорово разозлился, когда вы не пришли, хотел поставить вас на работу еще нынче утром.

Он вытянул правую руку, и из рукава высунулась круглая, как палка, культия без кисти.

– Занимайте вон те две, – сказал он, указывая на койки возле печи.

Джордж шагнул вперед и бросил оба одеяла на мешок с соломой, служивший тюфяком. Он оглядел полку и взял с нее маленькую желтую баночку.

– Послушай, а это что такое?

– Не знаю, – ответил старик.

– Здесь написано «Лучшее средство от вшей, тараканов и других паразитов». Куда это ты нас привел? Нам совсем неохота разводить у себя этакую живность.

Старый уборщик сунул швабру под мышку, протянул руку и взял баночку.

– Вот какое дело, – сказал он, помолчав. – Последним здесь спал один кузнец, славный малый, и такой чистоплотный, каких поискать. Мыл руки даже после еды.

– Так где ж он набрался этой дряни? – Джордж постепенно закипал злобой. Ленни положил свой сверток на соседнюю койку и сел. Он глядел на Джорджа открыв рот.

– Вот какое дело, – сказал старик. – Этот самый кузнец,

Уйти, был такой чудак, что сыпал порошок, даже ежели клопов не было – просто так, для верности, понимаешь? И еще вот что делал... Всегда чистил за столом вареную картошку и каждое пятнышко с нее соскребал, прежде чем съесть. И ежели на крутом яйце бывали красные пятнышки, он их тоже соскребал. Он и ушел отсюда из-за харчей. Вот он какой был чистоплотный и наряжался каждое воскресенье, даже если никуда не шел, галстук и то наденет, а потом сиднем сидит здесь, в бараке.

– Что-то не верится, – сказал Джордж подозрительно. – Из-за чего, говоришь, он ушел?

Старик положил баночку в карман и потер тыльной стороной ладони свои щетинистые щеки.

– Ну... просто ушел... как все люди уходят... Сказал, что из-за харчей. Наверно, хотел место переменить. Ни об чем другом не сказал, только об харчах. Просто однажды вечером говорит: «Давайте расчет», – как и все люди.

Джордж поднял тюфяк и заглянул под него. Наклонившись, он внимательно осмотрел холстину. Ленни тотчас встал и сделал то же самое. Джордж наконец как будто успокоился. Он развернул свой сверток и положил на полку бритву, кусочек мыла, гребень, пузырек с какими-то пилюлями, мазь и ремень. Потом аккуратно застелил койку одеялом. Старик сказал:

– Хозяин, наверно, сейчас придет. Ну и разозлился же он нынче утром, когда узнал, что вас нет. Мы в ту пору как раз

завтракали, а он приходит и говорит: «Где же эти новые, черт бы их взял?» И конюху от него крепко досталось.

Джордж расправил складку на одеяле и сел.

– Конюху досталось? – переспросил он.

– Ну да. Понимаешь, конюх у них негр.

– Негр?

– Ну да. Славный малый. С тех пор как его лошадь лягнула, он стал горбун. Хозяин всегда на нем зло срыгает. Но ему на это плевать. Он все читает книжки. У него пропасть этих самых книжек.

– А ваш хозяин что за человек? – спросил Джордж.

– Славный малый. Иногда, правда, зверь зверем, а так ничего, славный малый. Знаешь, что он сделал на Рождество? Принес галлон виски и говорит: «Пей, ребята, вволю. Рождество бывает раз в году».

– Вот это здорово! Цельный галлон?

– Да, брат. Ну и потеха пошла. Негра тоже сюда позвали. Хилый погонщик, Кузнечик по прозвищу, стал приставать к негру. Вот дело было! Ребята не позволили ему бить ногами, и негр кое-как уцелел. Кузнечик говорит, что убил бы негра, ежели б ему позволили бить ногами. Но ребята сказали, что раз негр горбатый, ногами бить нельзя. – Он замолчал, припоминая. – А потом они поехали в Соледад и здорово там нашумели. Я не поехал. Где уж мне на старости лет.

Ленни тем временем застелил свою койку. Деревянная щеколда поднялась, и дверь отворилась. Вошел маленький,

коренастый человек и остановился на пороге. На нем были синие джинсы, фланелевая рубашка, черный незастегнутый жилет и такой же черный пиджак. Большие пальцы он за-
ткнул за пояс по обе стороны от квадратной стальной пряжки. На голове у него была засаленная широкополая шляпа, на ногах – башмаки на высоких каблуках и со шпорами, которые он носил, чтобы показать, что он не бездельничает.

Старик, увидев его, сразу попятился к двери, шаркая ногами и потирая на ходу щеку.

– Эти двое только что пришли, – сказал он и проскользнул мимо хозяина за дверь.

Хозяин вошел в комнату, мелко шагая толстыми ногами.

– Я написал Мэрри и Рэди, что мне нужны два человека сегодня с утра. Документы при вас?

Джордж полез в карман, достал два листка и протянул их хозяину.

– Выходит, Мэрри и Рэди ни при чем. Здесь написано, что вы должны выйти на работу сегодня с утра.

Джордж глядел себе под ноги.

– Шофер автобуса завез нас не в ту сторону, – сказал он. – Пришлось тащиться пешком десять миль. Он сказал, что это рядом, а оказывается, вон как далеко. И попутных машин все утро не было.

Хозяин прищурил глаза.

– Пришлось послать в поле на двух человек меньше. Теперь уж до обеда вам нету смысла идти.

Он достал из кармана записную книжку и открыл ее там, где она была заложена карандашом. Джордж бросил на Ленни многозначительный взгляд, и Ленни кивнул, показывая, что понял. Хозяин послунил карандаш.

– Имя, фамилия?

– Джордж Милтон.

– А ты?

– Он – Ленни Малыш.

Хозяин записал обоих в книжку.

– Так вот, сегодня у нас двадцатое число, полдень. – Он закрыл книжку. – А раньше вы где работали?

– Неподалеку от Уида.

– И ты тоже? – спросил хозяин, обращаясь к Ленни.

– Да, и он тоже, – сказал Джордж.

Хозяин с усмешкой указал на Ленни:

– Он, кажется, не очень-то разговорчивый?

– Не очень, зато работающий. И силен как бык.

Ленни улыбнулся.

– Силен как бык, – повторил он.

Джордж бросил на него свирепый взгляд, и Ленни, пристыженный, понурил голову.

Вдруг хозяин сказал:

– Послушай-ка, Малыш. – Ленни поднял голову. – Что ты умеешь делать?

Ленни испуганно поглядел на Джорджа, ожидая помощи.

– Он умеет делать все, что ему велят, – сказал Джордж. –

Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испробуйте.

Хозяин повернулся к Джорджу.

– Так чего ж ты ему не даешь самому сказать? Голову мне морочишь?..

Джордж громко перебил его:

– Я же не говорю, что у него ума палата. Нет. Я говорю только, что он работник, каких днем с огнем не сыщешь. Может поднять кипу хлопка весом в добрых четыреста фунтов.

Хозяин тщательно спрятал записную книжку в карман. Он засунул большие пальцы рук за пояс и прищурил один глаз.

– Слышь, чего это ради ты его расхваливаешь?

– А?

– Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты небось прикарманиваешь его денежки?

– Да нет же, что вы. С чего вы взяли, что я его расхваливаю?

– Сроду не видал, чтоб кто-нибудь из вашего брата так заботился о другом. Я просто хочу знать, какая тебе от этого выгода?

– Он мой... мой двоюродный брат, – сказал Джордж. – Я обещал его мамаше за ним присматривать. Его в детстве лошадь лягнула в голову. Но он малый ничего, хоть и глуп. Может делать все, что ему велят.

Хозяин уже повернулся к двери.

– Ну что ж, видит Бог, не надобно большого ума, чтоб ссыпать ячмень в мешки. Но смотри, не вздумай морочить меня, Милтон. Я вижу, за тобой нужен глаз да глаз. Отчего вы ушли из Уида?

– Работа кончилась, – поспешно ответил Джордж.

– Какая работа?

– Мы... мы рыли сточную яму.

– Ладно. Только не вздумай меня морочить, тебе это даром не пройдет. Видывал я таких умников. После обеда выйдете на работу вместе со всеми, будете ссыпать ячмень в мешки у молотилки. Под началом у Рослого.

– У Рослого?

– Да. Такой высокий, здоровенный детина. Увидите его за обедом.

Он снова повернулся и пошел к двери, но прежде чем выйти, оглянулся и долго смотрел на обоих.

Когда его шаги замерли в отдалении, Джордж напустился на Ленни:

– Ты должен был молчать! Не разевать свою пасть и предоставить мне разговаривать. Через тебя мы чуть работу не потеряли!

Ленни уныло смотрел в пол.

– Я позабыл, Джордж.

– Позабыл! Ты всегда все забываешь, а я должен тебя выволять. – Джордж тяжело плюхнулся на койку. – А теперь

он будет за нами присматривать! Теперь надо глядеть в оба, не дай Бог промашку сделать. Теперь уж не смей и рта раскрыть.

Он угрюмо умолк.

– Джордж...

– Ну, чего тебе еще?

– Но ведь лошадь не лягнула меня в голову, правда, Джордж?

– И очень жаль, – сказал Джордж со злостью. – Это всех избавило бы от хлопот.

– А еще ты сказал, что я твой двоюродный брат, Джордж.

– Конечно, это неправда. К моему счастью. Будь я твоим родичем, я давно пустил бы себе пулю в лоб. – Он вдруг замолчал, быстро подошел к двери и выглянул наружу. – А ты какого дьявола здесь подслушиваешь?

Старик медленно вошел в барак. В руке он держал швабру. Следом за ним, ковыляя, вошла овчарка с седой мордой и блеклыми, ослепшими от старости глазами. Овчарка добрела до стены и улеглась, тихо ворча и вылизывая свою седую, изъеденную блохами шкуру. Старик глядел на нее, пока она не улеглась.

– Я не подслушивал. Просто остановился на минутку в тени и погладил собаку. Я только что кончил прибираться в умывальной.

– Нечего совать нос в наши дела, – сказал Джордж. – Терпеть не могу любопытных.

Старик забеспокоился, перевел взгляд с Джорджа на Лени, потом снова на Джорджа.

— Я только что подошел, — сказал он. — Не слышал ни слова, об чем вы тут говорили. Меня это вовсе не интересует. У нас на ранчо никогда не подслушивают и не задают вопросов.

— И хорошо делают, — сказал Джордж, смягчившись. — А не то и вылететь недолго.

Но старик снова заверил его, что и не думал подслушивать.

— Сядь, посиди с нами, — сказал Джордж. — Какая старая у тебя собака.

— Да. Я взял ее еще щенком. Хорошая была овчарка.

Он поставил швабру у стены и тыльной стороной ладони потер белую щетину на щеке.

— Ну, как вам показался хозяин? — спросил он.

— Ничего. Хороший человек.

— Славный малый, — согласился старик. — Он только с виду такой сердитый.

В барак вошел молодой мужчина; он был худощав, смуглолиц, с карими глазами и густыми выющимися волосами. На левой руке у него была рукавица, а на ногах, как и у хозяина, — башмаки с высокими каблуками.

— Не видали моего старика? — спросил он.

— Он только что был здесь, Кудряш, — сказал уборщик. — Наверно, пошел на кухню.

— Пойду догоню его, — сказал Кудряш.

Но тут он заметил незнакомых людей и остановился. Он злобно поглядел на Джорджа, потом на Ленни. Руки его медленно согнулись в локтях, кулаки сжались. Он весь напрягся и слегка присел. Теперь он бросил на них одновременно оценивающий и вызывающий взгляд. Ленни съежился под этим взглядом и робко переминался с ноги на ногу. Кудряш с опаской подошел к нему поближе.

— Вы, стало быть, и есть те новенькие, которых ждал мой старик?

— Мы только что пришли.

— Пусть говорит вот этот верзила.

Ленни в растерянности съежился еще больше.

— А если он не хочет говорить? — сказал Джордж.

Кудряш резко повернулся к нему.

— Богом клянусь, я заставлю этого верзилу отвечать, когда его спрашивают. А ты-то чего суешься?

— Мы с ним вместе работаем, — сказал Джордж угрюмо.

— Вот как!

Джордж весь напрягся, но не двинулся с места.

— Да, вот так.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, не зная, что делать.

— И ты не позволяешь ему говорить, что ли?

— Пускай говорит, если хочет чего сказать.

— Мы только что пришли, — тихо сказал Ленни.

Кудряш, сразу успокоившись, поглядел на него.

– Так вот, в другой раз отвечай, когда тебя спрашивают.

Он повернулся и вышел. Руки его все еще были слегка согнуты в локтях.

Джордж проводил его взглядом, потом посмотрел на старика.

– Слушай, какого черта ему надо? Ленни ему ничего не сделал.

Старик опасливо покосился на дверь, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

– Это хозяйский сын, – сказал он тихо. – Ловко дерется. Боксом занимался. Выступал в легком весе, лихо дрался.

– Ну и пусть, – сказал Джордж. – Нечего ему приставать к Ленни. Ленни ему ничего не сделал. Что он имеет против него?

Старик подумал немного.

– Ну... вот какое дело... Кудряш, как и многие, которые малы ростом, терпеть не может здоровых парней. Так и лезет в драку. Видно, они его бесят, потому что сам он низкорослый. Ты, наверно, не раз видел таких. Все время задираются.

– Конечно, – сказал Джордж. – Я много перевидал такой мелюзги. Но этот Кудряш пусть лучше не думает, что Ленни ему спустит. Ленни не очень-то ловкий, но этому сопляку крепко достанется, ежели он ввяжется в драку с Ленни.

– Ну, Кудряш ужас какой ловкий, – с сомнением сказал старик. – Я всегда считал, что он не по справедливости поступает. Положим, Кудряш пристанет к такому вот здоровя-

ку и вздует его. Тогда всякий скажет: «Какой молодчина этот Кудряш». Ну, а положим, он пристанет и его самого вздуют. Тогда все скажут – вот связался черт с младенцем, и, может, даже всем скопом вздуют того, здоровенного. Я всегда считал, что это не по справедливости. А только Кудряш никому не дает спуска.

Джордж посмотрел на дверь и сказал с угрозой:

– Ну, пускай лучше держится от Ленни подальше. Ленни не драчун, но он сильный и не знает этих ихних правил.

Он подошел к столу и сел на один из ящиков. Собрал карты, стасовал их.

Старик присел на другой ящик.

– Не говори Кудряшу, что я тебе про него рассказывал. А то он с меня шкуру спустит. Ему что! Его-то не выгонят, он ведь хозяйский сынок.

Джордж стасовал колоду и начал переворачивать карты, глядя на каждую и бросая ее в кучу.

– Сдается мне, что этот Кудряш – просто сучий сын, – сказал он. – Не люблю такую вот злобную мелюзгу.

– Он еще хуже стал в последнее время, – сказал старик. – Женился недели две назад. Живет с женой в хозяйском доме. Кудряш, с тех пор как женился, совсем осатанел.

– Может, перед женой храбрость свою показать хочет, – проворчал Джордж.

Старик обрадовался случаю посплетничать.

– Видал рукавицу у него на левой руке?

– Да. Видал.

– Так вот, она вся пропитана вазелином.

– Вазелином? На кой шут?

– Вот дело какое... Кудряш говорит, что эту руку он для своей супружницы умягчает.

Джордж внимательно рассматривал карты.

– И не стыдно ему про это языком трепать!

Старик оживился. Он все-таки заставил Джорджа сказать плохое о хозяйском сынке. Теперь ему нечего было опасаться, и он разоткровенничался.

– Вот погоди, увидишь его супружницу.

Джордж снова стасовал карты и стал медленно, старательно раскладывать пасьянс.

– Хорошенькая? – спросил он небрежно.

– Да, хорошенькая. Но...

Джордж внимательно рассматривал карты.

– Что «но»?

– Мужчинам куры строит.

– Да ну? Две недели как замуж выскочила и уже куры? Может, поэтому Кудряш и осатанел?

– Я видел, как она с Рослым это самое. Рослый у нас – старший возчик. Славный малый. Ему не надобно носить башмаки на высоких каблуках, чтоб его слушались. Так вот, я видел, как она с ним пробовала. А Кудряш не видел. И с Карлсоном тоже.

Джордж притворился, будто ему это неинтересно.

– Кажется, предстоит потеха.

Старик встал с ящика.

– Знаешь, что мне сдается? – Джордж не ответил. – Сдается мне, что Кудряш женился на... потаскушке.

– Не он первый, не он последний, – отозвался Джордж.

Старик поплелся к двери. Его старая собака подняла голову и огляделась, потом с трудом встала на ноги, собираясь идти за ним.

– Надо налить для ребят воду в умывальник. Они скоро придут. Вы ячмень ссыпать будете?

– Да.

– Смотрите же, не говорите ничего Кудряшу.

– Само собой, не скажем.

– Так вот, ты приглядишься к ней. Сам увидишь, потаскушка она или же нет.

Он вышел за дверь на яркий солнечный свет.

Джордж задумчиво раскладывал карты по три. Потом прикрыл тузы четверкой треф. Сноп солнечных лучей падал теперь на пол, и мухи проносились сквозь него, как искры. Снаружи слышалось позвякивание сбруи и кряхтение тяжело груженных повозок. Издали донесся звонкий крик:

– Конюх, эй, конюх! Куда запропастился этот черномазый?

Джордж посмотрел на свой пасьянс, потом смешал карты и повернулся к Ленни. Ленни лежал на койке и глядел на него.

– Слышишь, Ленни! Неладно здесь. Я что-то опасаюсь. Из-за этого Кудряша ты попадешь в беду. Видал я таких. Он вроде бы тебя прощупывал. Решил, что ты испугался, и теперь при первом случае станет бить.

Глаза у Ленни расширились от страха.

– Не хочу я попасть в беду, – сказал он жалобно. – Не давай ему бить меня, Джордж.

Джордж встал, подошел к Ленни и сел на его койку.

– Терпеть не могу таких гадов, – сказал он. – Я их много перевидал. Как сказал этот старик, Кудряш ничем не рискует. Он всегда в выигрыше. – Джордж помолчал, размышляя. – Если он будет к тебе приставать, Ленни, придется нам отсюда уйти. Это яснее ясного. Он – хозяйский сынок. Слышишь, Ленни? Постарайся держаться от него подальше, ладно? Никогда с ним не разговаривай. Если он придет сюда, сразу уходи в другой конец комнаты. Ладно, Ленни?

– Не хочу попасть в беду, – скулил Ленни. – Я его не трогал.

– Ну, это не поможет, если Кудряш захочет показать свою храбрость. Просто не имей с ним никакого дела. Запомнишь?

– Конечно, Джордж. Я должен молчать.

Шум приближался, нарастал – стук копыт по твердой земле, скрип колес и позвякивание упряжи. Люди перекликались меж собой. Джордж, сидя на койке подле Ленни, в задумчивости хмурился. Ленни спросил робко:

– Ты не сердишься, Джордж?

– На тебя – нет. Сержусь на этого подлого Кудряша. Я надеялся, что мы заработаем здесь хоть сотню долларов. – В голосе его зазвучала решимость. – Держись подальше от Кудряша, Ленни.

– Конечно, Джордж. Я буду молчать.

– Не допускай, чтоб он втравил тебя в драку, но уж если этот сучий сын полезет к тебе, дай ему хорошенько.

– Что ему дать, Джордж?

– Ну ладно, это не важно. Я тебе тогда скажу. Не переноси таких подлецов. Слышь, Ленни, ежели случится беда, ты помнишь, что я велел тебе сделать?

Ленни приподнялся на локте. Лицо его стало напряженным. Потом он печально посмотрел Джорджу в глаза.

– Ежели случится беда, ты не позволишь мне кормить кроликов.

– Да я не об том. Помнишь, где мы сегодня ночевали? Ну, возле реки?

– Да. Помню. Ну конечно, помню! Я должен побежать туда и спрятаться в кустах.

– И сиди там, покуда я за тобой не приду. Только чтоб тебя никто не видал. Спрячешься в кустах у реки. Повтори.

– Спрячусь в кустах у реки, в кустах у реки.

– Ежели случится беда.

– Ежели случится беда.

Снаружи заскрипела повозка. Раздался крик:

– Ко-о-нюх! Э-э-й, конюх!

Джордж сказал:

– Повторяй это время от времени про себя, Ленни, чтоб не позабыть.

Оба подняли головы, потому что прямоугольник света в дверях вдруг померк. На пороге стояла молодая женщина. У нее были полные, ярко накрашенные губы и большие, сильно подведенные глаза. Ногти были ярко-красные. Волосы ниспадали мелкими локонами, похожими на колбаски. На ней было бумажное домашнее платье и красные домашние туфли, над которыми торчали пучки красных страусовых перьев.

– Я ищу Кудряша, – сказала она.

Голос у нее был какой-то ломкий и чуть в нос.

Джордж отвернулся, потом снова поглядел на нее.

– Он был здесь минуту назад, но куда-то ушел.

– А! – Она заложила руки за спину и прислонилась к дверному косяку, слегка пригнув голову. – Вы – новенькие. Только что пришли, да?

Ленни оглядел ее с головы до ног, и хотя она, казалось, не смотрела на него, едва заметно приподняла голову. Потом поглядела на свои ногти.

– Кудряш иногда заходит сюда, – объяснила она.

– Но сейчас его здесь нету, – сказал Джордж решительно.

– Если нету, поищу где-нибудь еще, – сказала она игриво.

Ленни смотрел на нее как замороженный.

– Если я его увижу, то скажу, что вы его искали, – проговорил Джордж.

Она лукаво улыбнулась и качнулась вперед всем телом.

– Что ж, мне его уж и поискать нельзя? – сказала она.

Позади нее раздались шаги. Она обернулась.

– А, Рослый, здравствуй, – сказала она.

За дверью послышался голос Рослого:

– Здравствуй, красуля.

– Я ищу Кудряша.

– Ну, не очень-то ты стараешься его найти. Я видел, как он пошел домой.

Она вдруг забеспокоилась.

– Пока, ребята, – бросила она через плечо и поспешила прочь.

Джордж посмотрел на Ленни.

– Господи, ну и штучка, – сказал он. – Так вот какую супружницу выбрал себе Кудряш.

– Она хорошенькая, – вступился за нее Ленни.

– Да, и, конечно, не прочь этим попользоваться. У Кудряша еще будет с ней хлопот полон рот. Провалиться мне, ежели ее не сманят за двадцать долларов.

Ленни все смотрел на дверь, возле которой она только что стояла.

– Ей-ей, она хорошенькая.

Он восторженно улыбнулся.

Джордж быстро взглянул на Ленни и сильно дернул его за

ухо.

– Слышь, ты, дурак полоумный, – сказал он со злобой. – Не смей даже глядеть на эту суку. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала! Я видел чертову пропасть этих паскуд, но этакой подлой шкуры еще не видывал. Держись от нее подальше.

Ленни попытался освободить ухо.

– Я ничего не сделал, Джордж.

– Известно, не сделал. Но когда она стояла у двери и выставила напоказ свои ноги, ты не отвернулся.

– Я ничего плохого не думал, Джордж. Честное слово, не думал.

– Так вот, держись от нее подальше, потому что через нее в два счета пропадешь, если я вообще чего-нибудь смыслю. Пускай Кудряш отдувается. Он сам виноват. Перчатка с вазелином! – сказал Джордж презрительно. – Я уверен, он и сырые яйца глотает да выписывает по почте всякие патентованные снадобья.

– Мне здесь не нравится, Джордж! – воскликнул вдруг Ленни. – Это плохое место. Я хочу уйти отсюда.

– Ничего не поделаешь, Ленни. Надо обождать, покуда денег не заплатят. Мы уйдем, как только можно будет. Мне самому здесь нравится не больше, чем тебе. – Он вернулся к столу и снова стал раскладывать пасьянс. – Нет, не нравится мне здесь, – сказал он. – И я сам убрался бы отсюда с превеликим удовольствием. Вот только сколотим сколько-нибудь

деньжат, и непременно уйдем, доберемся до верховий Миссисипи и станем там золото мыть. Может, будем тогда зарабатывать по несколько долларов в день и набьем себе карманы.

Ленни живо наклонился к нему.

– Уйдем, Джордж. Уйдем отсюда. Здесь плохо.

– Придется обождать, – обронил Джордж отрывисто. – А теперь помолчи. Сюда идут.

Из умывальной послышался плеск воды и звон тазов. Джордж разглядывал карты.

– Пожалуй, не мешало бы и нам умыться, – сказал он. – Но мы ведь не пачкались.

В дверях появился высокий человек. Под мышкой он держал измятую шляпу, а свободной рукой расчесывал длинные черные мокрые волосы. Как и все, он носил синие джинсы и короткую бумазейную куртку. Причесавшись, он вошел в комнату с достоинством, с каким входит только король или подлинный мастер своего дела. Это был старший возчик, король ранчо, который мог управлять разом десятью, шестнадцатью, а то и двадцатью мулами. Он мог убить кнутом муху на крупе коренника, не причинив ему ни малейшей боли. Держался он так спокойно и величественно, что стоило ему заговорить, и все сразу же умолкали. Авторитет его был до того велик, что ему принадлежало решающее слово во всяком деле, будь то политика или любовное приключение. Это был Рослый, старший возчик. Его продолговатого лица, ка-

залось, не коснулись годы. Ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Он умел угадывать недосказанное, говорил медленно и веско, с глубоким пониманием дела. Руки его, длинные и тонкие, всегда двигались изящно, как у танцовщицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.